

Якопо Саннадзаро
Аркадия

К волынке

Вот и завершились труды твои, незатейливая лесная волынка; своей простотой пастуха не более ученого, но более удачливое, чем я, ты достойна. Недолго была ты приятным занятием рукам и устам моим, а нынче, коль того судьба желает, научишь ты их долгой тишине, а может быть, и вечному покою. Ибо, не научившись еще умелыми пальцами извлекать твою гармонию, пришлось мне, по злему случаю, надуть тебя губами и выпустить мои ноты, уж какие ни на есть, что в пору скорее простым овечкам в лесах, нежели ученым горожанам; я поступил как человек, что, разозленный ночными набегами на свой сад, срывает возмущенною рукою еще не зрелые плоды с согнутых ветвей, или как угрюмый пахарь, что спешит вынуть из гнезда на высоком дереве еще не оперившихся птенцов, боясь, как бы змеи или пастухи его не опередили. Вот почему прошу и, как могу, тебя предостерегаю: довольствуйся своею простотой и пребывай в местах уединенных.

Не пристало тебе искать дворцов знати и многолюдных городских площадей ради громких рукоплесканий, сомнительных милостей, ветреной славы, пустой лести, ложных соблазнов, глупого и неприкрытого заискивания подлой черни. Твое скромное пение затерялось бы среди ужасающего грома буцин и королевских труб. Довольно с тебя и того, что иной пастух прильнет к тебе губами среди здешних холмов, научая отзывчивые леса повторять имя твоей госпожи и горько оплакивать вместе с тобой ее неожиданную, преждевременную смерть – причину неиссякаемых моих слез и горькой и безутешной моей жизни, что влачу я, если только можно назвать живым того, кто погребен под гнетом несчастий.

Плачь же, несчастная, плачь, ибо немало у тебя причин для слез. Плачь, бедная вдовица, плачь, злосчастная, обездоленная волынка, лишенная того, что было тебе дороже неба. Вовек не переставай плакать и сетовать на страшные твои горести, покуда найдется хоть тростинка для тебя в этих лесах; пой теми голосами, что наиболее пристойны твоему несчастному и плачевному положению. А если вдруг какой пастух вздумает использовать тебя для веселья, дай ему сперва понять, что умеешь ты лишь плакать да сетовать, а затем на деле покажи, что так оно и есть, преображая его дыхание

в звук скорбный и жалобный. Тогда, боясь наполнить грустью свои праздники, он вынужден будет отдалить тебя от уст своих и оставить покойно висеть на сём дереве, куда я теперь тебя вешаю, вздыхая и заливаясь слезами, в память о той, что сподвигла меня написать сие, и из-за внезапной смерти которой мне не о чем больше писать, а тебе – петь.

Умерли наши Музы, увяли наши лавры, разрушен наш Парнас, леса затихли, горы и доли от горя лишились слуха. Не найти больше в лесах ни Нимф, ни Сатиров, пастухи разучились петь, едва-едва пасутся стада, мутят грязными копытами воду в прозрачных источниках и, не имея молока, даже детенышей своих кормить не заботятся. Дикие звери бегут из привычного логова, птицы покидают уютные гнезда, суровые и бездушные деревья сбрасывают на землю еще неспелые плоды, нежные цветы разом чахнут в погрузневших полях. Бедные пчелы бросают пропадать в ульях не начатый мед. Все гибнет, тщетны надежды, всякое утешение мертво.

Ничего не остается тебе теперь, волынка моя, кроме как страдать денно и ночью и с упрямой настойчивостью предаваться печали. Печалься, о, несчастнейшая, и ропщи что есть мочи на жадную смерть, на глухое небо, на жестокие звезды и несправедливый рок. А ежели среди этих ветвей ветер ненароком качнет тебя и наполнит дыханием, кричи, пока не иссякнут все силы.

И не заботься, если кто, привыкший к более изысканным звукам, с отвращением насмеется над твоей простотой или назовет тебя грубой, ведь, подумай сама, это и есть главная и лучшая тебе похвала, только лесов и мест тебе подходящих не покидай. Но и здесь, я знаю, довольно будет тех, кто подвергнет строгому суду твои слова и скажет, что кое-где не были, как подобает, соблюдены пастушьи законы, что никому не должно преступать положенные ему пределы. Хочу, чтобы ты им ответила, каясь простодушно в своей вине, что ни один пахарь, даже самый умелый, не может обещать, что все борозды выйдут совершенно прямыми. Для тебя же немалое оправдание уже в том, что ты первая в этом веке пробудила спящие леса и научила пастухов петь давно позабытые песни. К тому же благодаря тебе тот, кто сделал тебя из этих вот тростинок, вошел в Аркадию не сельским пастушком, а ученым юношей, хоть и был никому не известным пилигримом любви, его направлявшей. А в древности ведь были пастухи столь храбрые, что отваживались доносить свое пение до ушей самих римских консулов, и потому в тени их сможешь ты, милая моя волынка, от всей души защищать свою правоту.

Но коли подойдет к тебе человек более благодушный, который, внимая тебе с жалостью, прольет несколько дружеских слезинок, тотчас же воздай о нем горячие молитвы Богу, да сохранит Он его благоденствие и от горестей наших оградит. Ибо воистину тот, кто горюет о чужих несчастьях, о себе самом вспоминает. Но, боюсь, такие встретятся редко, не чаще белой вороны, посреди много превосходящей их числом толпы хулителей. Против коих не знаю, какое еще оружие могу дать тебе, кроме как молить тебя от всего сердца быть как можно смиренней и терпеливо сносить их удары. Хоть и уверен я, что тебе не придется столь утруждаться, если ты согласишься, как я тебя прошу, тайно и в скромности здесь, среди лесов, пребывать. Кто не поднимается высоко, тот не боится упасть, а кто падает на ровном месте, что бывает редко, тот встает без всякого вреда, на мизинец руки лишь опершись. А потому знай, несомненно верно, что тот, кто скрытно живет вдали от людской толпы, лучше всех живет, и того среди смертных вернее всего можно назвать блаженным, кто не завидуя величию другого, смиренно довольствуется своею участью.

Пер.: Елизавета Дмитриевна Кузнецова